

ВЛИЯНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЗАРУБЕЖНОГО АВАНГАРДА НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЛИКА СИБИРСКИХ ГОРОДОВ

УДК: 72.036

ББК: 85.113

Идентификационный номер Информрегистра: 0421100020\0061

Галикберова Анна Валерьевна

Аспирант НГАХА.

Научный руководитель: кандидат архитектуры, профессор Блинов Е.Н.
Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия,
г. Новосибирск, Россия

Аннотация

В статье рассматривается участие европейских специалистов в проектировании новых индустриальных городов Западно-Сибирского региона, особенности, критика и результаты их проектной деятельности.

Ключевые слова:

градостроительство, соцгорода, строчная застройка, иностранные архитекторы в Сибири, архитектурный авангард

В конце 20-х – начале 30-х годов для работы в СССР по приглашению начинают прибывать иностранные специалисты. Приезд их был обусловлен рядом причин. С одной стороны, СССР в связи с увеличением объемов строительства требовались квалифицированные кадры, с другой стороны, зарубежные архитекторы также имели основания для того, чтобы осуществлять свою деятельность в России. Изд здесь можно выделить два основных фактора: материальный и творческий. Материальный фактор был связан с мировым экономическим кризисом, разразившимся в 1929-1933 гг., сокращением объемов реального строительства, тогда как в СССР, напротив, начинается активное строительство, связанное с выполнением планов первой пятилетки (возведение объектов промышленности, проектирование целого ряда новых городов и т.д.). В творческом плане проектные разработки советских архитекторов вызвали интерес у западных коллег. К рубежу 20-30-х гг. установились довольно тесные взаимосвязи между отечественными представителями авангарда и архитекторами Европы. И. Коккинаки выделяет три периода в развитии международных отношений России и Запада в области искусства и архитектуры.

Для первого периода (1918 г., конец мировой войны – 1925 г.) характерно обострение социальных проблем, революционные выступления. Искусство этого времени обретает новый «эстетический идеал». Архитектура же впитывает в себя все новаторские разработки других видов искусств и под их влиянием также происходит формирование «новой» архитектуры. Вышесказанное относится и к странам Европы, и к СССР. Однако на этом этапе «контакты советской и зарубежной творческой интеллигенции были в значительной степени затруднены непризнанием Республики Советов большинством капиталистических стран». Несмотря на это, «многие архитекторы, как и другие, прогрессивно настроенные деятели культуры в Западной Европе, с огромным интересом следили за социальными преобразованиями в России и стремились к установлению творческих связей с советской художественной интеллигенцией». [1]

Советская сторона также была заинтересована в установлении профессиональных связей с европейским сообществом. В целом культурные взаимосвязи этого периода происходили путем обмена различными творческими программами, устройства выставок (Художественная выставка в Берлине, 1922 г.; выставка театральных макетов и эскизов, 1923 г.; XIV Международная выставка искусства в Венеции, 1924 г.; Международная выставка декоративного искусства в Париже, 1925). На этих выставках были представлены работы ведущих представителей советского авангарда: рационалистов – Н. Ладовского, В. Кринского; конструктивистов – братьев Весниных, М. Гинзбурга; а также работы К. Мельникова, И. Фомина и т.д. Большой вклад в популяризацию идей советского авангарда внесли Эль Лисицкий и И.

Эренбург, которые выезжали в то время за границу. Эль Лисицкий предстал своего рода проводником между архитекторами и художниками СССР и Западом, так как имел непосредственные контакты с ведущими представителями основных течений авангарда (К. Малевичем, конструктивистами в ИНХУКе, Н. Ладовским) и активно пропагандировал советскую архитектуру на Западе. «В 1922 году Лисицкий вместе с ван Дусбургом организует в Веймаре Международное Конструктивистское рабочее сообщество» [1]. Также в этом году им совместно с И.Г. Эренбургом был выпущен журнал «Вещь», в котором был дан обзор искусств. Можно с уверенностью утверждать, что к 1925 году «уже были установлены контакты советских архитекторов с основными западноевропейскими центрами формирования новой архитектуры – с Голландией, Германией и Францией и с «подцентрами» – Чехословакией, Польшей» [1].

Второй период (1925-1930 гг.) характеризуется ростом строительства, как на Западе, так и в Советской России. Основными формами взаимодействия и обмена опытом становятся личное ознакомление архитекторов с проектными разработками коллег. Благодаря установлению дипломатических отношений с крупнейшими странами Европы, становятся возможны поездки как зарубежных архитекторов в СССР (Ле Корбюзье, Б.Таут, К. Тейге, Э. Мендельсон, побывавшие в нашей стране в эти годы), так и ознакомительные экскурсии представителей России. Вторым важным каналом получения информации становится печать. Материалы по советской архитектуре публикуются в ведущих журналах Европы; с другой стороны, зарубежные проекты отражены в советской периодике того времени, в частности, в «Советской архитектуре», «Строительной промышленности», «СА». Архитекторы Запада в это время проявляют активный интерес к творчеству представителей советского авангарда, а большинство зарубежных статей, посвященных советской архитектуре, «проникнуты глубоким пониманием новизны задач советской архитектуры, органичности формальных и функциональных исканий, в основе которых лежит серьезный социальный анализ» [1].

Третьим информационным каналом также продолжают быть международные выставки новой архитектуры, в которых принимает активное участие и наша страна (состоявшаяся в феврале-марте 1926 г. выставка в Польше, организованная группой «Блок»; Штутгартская выставка «Немецкого Веркбунда» 1927 г.; выставка 1927 г. в России, организованная представителями ОСА). В этих выставках принимали участие ведущие архитекторы Европы и СССР, представлявшие новую современную архитектуру. Хотелось бы отметить тот факт, что с советской стороны самыми активными участниками этих смотров были представители ОСА, тогда как рационалисты находились несколько в стороне от этого процесса. В своем журнале «СА» конструктивисты выражали большое сожаление, что представители АСНОВА проигнорировали выставку и отказались от полемики на страницах журнала.

Еще одной формой взаимодействия стало выполнение заказных проектов у авторитетных в той или иной области архитекторов (процесс этот был двухсторонним) и привлечение иностранных строительных фирм и специалистов для проектирования предприятий промышленности и городских поселений при них, в этом случае именно СССР выступал инициатором такой формы отношений. Связано это было с индустриализацией страны. «Приглашение зарубежных архитекторов для работы в СССР было официальной линией советского правительства, очерченной постановлением СНК СССР от 2 августа 1925 года «О мерах пополнения советской промышленности высококвалифицированными специалистами» и его же постановлением от 15 февраля 1927 года «О привлечении специалистов из заграницы». К февралю 1928 года в СССР действовали 61 иностранная концессия общесоюзного значения и 53 – республиканского, и в каждой работали иностранные специалисты. По постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 августа 1928 года в 1929 – 1930 годы планировалось привлечь еще от 1 до 3 тыс. иностранных специалистов» [2].

Третий период – 1929-30-е гг. до середины 30-х гг. – стал периодом увеличения реального строительства в СССР и привлечения для проектных работ целых групп иностранных архитекторов. Так, по свидетельству Е.В. Конышевой [3], в октябре 1930 г. – феврале 1931 г. в СССР прибыли две крупные группы европейских архитекторов, составившие архитектурные бригады Э. Мая (М. Стам, Х. Шмидт, В. Шульц, В. Швагеншайдт, В. Шютте, Г. Шютте-Лихотски и другие, всего 23 человека) и Х. Майера (Б. Шеффлер, Ф. Тольцингер, Т. Вайнер, К. Пюшель, Р. Менш, К. Мойман, А. Урбан). В 1931 – 1932 гг. также приехали, заключив индивидуальные договоры, А. Форбат, П. Бюкинг, Й. Нигеман, Г. Маркс, Х. Абрахам и др.

Внимание зарубежных изданий было обращено на градостроительные поиски советских зодчих, что отображено в обширных материалах, представленных на страницах журналов. Зарубежные архитекторы наблюдали за происходящим проектированием и строительством социалистических городов, созданием новых типов жилищ, общественных зданий. Западных архитекторов воодушевляла перспектива работы

в Стране Советов, и здесь основную роль сыграла не столько материальная составляющая работы, сколько «стремление прогрессивных зарубежных архитекторов принять непосредственное участие в строительстве в СССР» [1].

«Значительная часть архитекторов, если и не разделяла левые воззрения, как архитекторы группы «Рот Фронт» Х. Майера, тем не менее, испытывала чувство ответственности перед обществом, понимала свою социально-организующую роль» [3]. Естественно, страна, где шли коренные социальные преобразования и архитектура выступала как организующая и регламентирующая эти процессы сила, была очень привлекательна в профессиональном плане для иностранных архитекторов. Именно здесь могли быть воплощены в жизнь все самые смелые проекты, реализован творческий потенциал. Таково было мнение и отечественных, и зарубежных архитекторов, однако процессы, происходившие в стране в области проектирования и градостроительства, на тот момент уже начинали активно управляться и направляться органами власти, реальные планы которых существенно отличались от представлений специалистов-зодчих (см. труды М.Г. Мееровича).

10 октября 1930 года группа специалистов под руководством Мая приезжает в Москву для работы по пятилетнему контракту, заключенному с Цekomбанком. Заниматься эта группа должна была проектированием жилья в проектно-планировочном бюро при Цekomбанке. «Через газету «Франкфуртер цайтунг» 1 августа 1930 года Май пояснил землякам: «Мне была доверена одна из важнейших задач: проектирование новых социалистических городов <...>, структура которых основывалась на совершенно ином социологическом базисе...» Но тут же оговорился: «Никто не может предсказать, удастся ли этот крупнейший за все времена государственно-политический эксперимент...» [14].

Э. Май, приглашенный для работы в СССР, являлся представителем «чистого функционализма», направления в европейском зодчестве 20-х гг. XX в., основу которого составляло следующее положение – функция первична (утилитарно-практический аспект), форма произведения архитектуры вторична (эстетический аспект). Этот принцип функциональной архитектуры был близок отечественным представителям авангарда, которые помимо взаимосвязи двух этих аспектов внесли еще и социальную составляющую проектирования (функциональный метод конструктивистов). «Немецкий архитектор был известен в Советском Союзе как активный сторонник типизации в индустриализации жилищного строительства, одним из первых в Западной Европе воплотивший на практике принципы рационалистической архитектуры в масштабах массовой муниципальной застройки (поселки во Франкфурте-на-Майне во второй половине 20-х гг.)» [8].

Принцип строчной застройки, используемой Э. Маем при проектировании поселков близ Франкфурта-на-Майне, прекрасно подходил для массового использования при строительстве новых городов СССР по ряду причин.

Во-первых, был экономически выгоден, т.к. «позволял стандартизировать и унифицировать стройматериалы и механизмы, приемы монтажа и технологии, ускорить сами темпы проектирования, поскольку типизировал проектные решения» [2].

Во-вторых, благодаря поточно-индустриальной технологии строительства, существенно сокращались сроки строительства, что было чрезвычайно важно для массового жилого строительства в условиях планов скорейшей индустриализации страны.

В-третьих, подобная застройка решала ряд задач, связанных с комфортными условиями проживания в санитарно-гигиеническом плане: «благодаря меридиональной ориентации домов, при которой к источнику загрязнений, улице, были обращены глухие торцы зданий, а фронт квартир выходил в озелененное пространство между домами, для всех квартир создавались одинаковые условия проветривания и инсоляции» [2].

По мнению В. Гропиуса, одного из создателей этой градостроительной системы, данная застройка имеет, помимо уже названных выше, следующие преимущества перед квартальным типом. Сокращается количество угловых квартир, появляется возможность уменьшить «стоимость жилищного строительства...», не снижая эффективности использования земли» [4]. Сам принцип строчной застройки состоял в следующем: «За основу жилого квартала берется «строчка». Т.е. блок жилых ячеек, поставленных в направлении север-юг. Любое число таких блоков, размещенных на участке параллельно друг другу, и образуют систему застройки. Параллельные «строчки прерываются в определенных пунктах, пропуская через себя улицу: на эту последнюю дома-блоки выходят, таким образом, торцевыми сторонами» [5].

Проектный метод Мая был применен в генпланах Магнитогорска, Нижнего Тагила, а также для целого ряда городов Западной Сибири: Щегловск (Кемерово), Сталинск (Новокузнецк), Ленинск, Тьрган

(Прокопьевск). «На работах Э. Мая и его бригады сказались две группы факторов: первая – теоретические взгляды и практический опыт, приобретенные до приезда в СССР, вторая – учет социально-политических реалий, существовавших в нашей стране в начале 30-х годов» [6].

Весной 1930 года Э. Май приезжает в СССР по приглашению для прочтения лекций о современной архитектуре и градостроительстве. В своем докладе, прочитанном им «по предложению комиссии по быту ЦКК-НК РКИ», докладчик дает краткий обзор градостроительной ситуации в СССР и отмечает «казарменный тип наших построек». Также, продолжая анализ проектов жилищного строительства, он «подчеркивает абсолютную негигиеничность построек, где квартиры располагаются по обе стороны центрального коридора, и противопоставляет этим постройкам сооружаемые во Франкфурте дома, располагаемые в направлении меридиана, с квартирами по одну сторону коридора, с комнатами, выходящими только на солнечную сторону» [7].

Метод работы Э. Мая и его бригады позволял в максимально короткие сроки создавать готовые проектные решения. Как отмечают М.Г.Меерович и Д.Хмельницкий, этот принцип организации работы Э.Мая был сходен с методом работы А.Кана, только в первом случае проектировался город, во втором – промышленный объект. «Градостроительный проект компоновался из элементов «готовых», ранее спроектированных: проектов жилых, общественных, лечебных, школьных, детских и прочих зданий. Подчас использовались и более крупные «сборочные единицы» – типовые схемы планировки кварталов». «Сотрудник Мая архитектор Вальтер Швагеншайдт так описывал в письме от 9 марта 1931 года, то есть через пять месяцев после приезда в СССР, работу бригады: «Мы проработали район между Новосибирском и Кузнецком, гигантский угольный бассейн Сибири. Довольно подробно мы спроектировали прямо на месте 6 городов, большая часть из которых будет построена уже в этом году» [2].

Первые проекты Э. Мая создаются им исключительно по франкфуртскому образцу (проекты 1930-начала 1931 гг.: Магнитогорск, Ленинск и пр.), связано это было с обособленностью группы в местном профессиональном сообществе. Таким образом, теоретические разработки по вопросам создания новых бытовых условий с развитой инфраструктурой в этих проектах не учитывались. «Город представлял собой строго геометрическое и довольно монотонное сочетание жилых кварталов, состоящих из ровных строчек однообразных домов; не были предусмотрены клубные здания и учреждения здравоохранения, не развита сеть дошкольных учреждений и общественных столовых, не предусмотрены спортплощадки у школ и т.д.» [8].

На втором этапе работы Э.Мая в СССР происходит погружение в социально-политическую ситуацию в стране и ознакомление с проектными предложениями в области градостроительства и проектирования жилья советских архитекторов. Под влиянием этих факторов последующие проекты архитектора и его группы претерпевают определенные изменения. Характер этих изменений хорошо прослеживаются в переработанном проекте генплана Магнитогорска. Строчная застройка здесь уже была представлена жилыми домами разной этажности и протяженности, где присутствовали здания общественного обслуживания разных типов. Эти сооружения «приобрели в композиции кварталов, районов и города в целом ведущую роль в организационном и архитектурном отношении. Общественные здания объединялись в группы, примыкавшие друг к другу, и создавали таким образом ”позвоночник города”» [9].

Этот принцип ”позвоночник города” использован в проекте Новокузнецка, где все «общественные сооружения, в том числе и школы, концентрировались в одной зоне вдоль так называемой «школьной улицы» [9]. Расчетная численность жителей составила 83-100 тыс. человек. Планировочная схема была решена в виде ортогональной сетки улиц, связь с производством решалась посредством двух лучевых магистралей. Жилая застройка представлена трехэтажными домами (рис.1), расположенными в соответствии с принципами строчной застройки (торцы обращены к улице).

«По существу это был проект планировки жилого массива в 1,5 км от КМК, в котором не решался весь комплекс градостроительных вопросов. Несмотря на некоторый аскетизм и примитивизм композиционного построения, в проекте была сделана попытка ответить на новый социальный заказ и решить ряд вопросов по переустройству быта трудящихся путем комплексного размещения жилья, школ, детских учреждений, объектов обслуживания и отдыха» (рис.2,3) [9].

Основная критика проектов Э. Мая и его бригады заключалась в следующем:

1. Разработка проектов проводилась без учета топографических, гидрогеологических и прочих характеристик территорий отведенных под строительство. «Сведение сложной социальной проблемы формирования города к элементарной схеме, естественно, привело к отрицательным результатам.

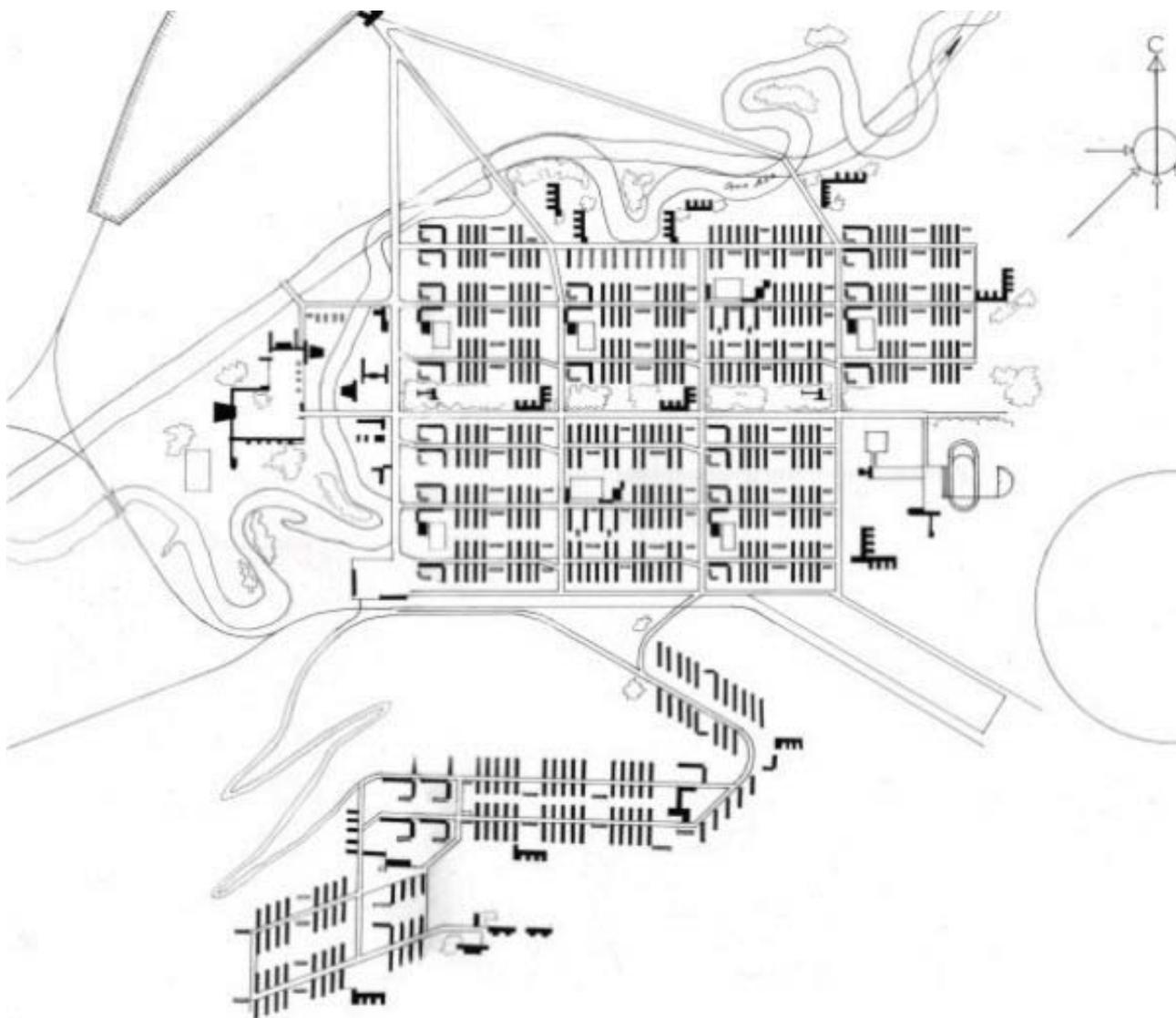

Рис. 1. Проект Новокузнецка бригады Э. Мая, 1931 г. (Источник <http://www.niitag.ru/info/doc/?329>).

Так, Магнитогорск оказался под дымами металлургического комбината, а Новокузнецк расположился частично на торфяном болоте» [10].

2. Принцип строчной застройки подвергался критике за:

а) монотонность, однообразие градостроительного решения, композиционную примитивность жилых кварталов;

б) обращенные к улице торцы зданий не позволяли осуществлять агитационную деятельность. «Дома «отворачивались» от улицы, по которой должны были маршировать демонстрации и где должны были проходить другие массовые действия, они не могли служить естественными трибунами и местом размещения зрителей, а значит, не становились «социально-престижными» [2].

Результатам деятельности Э.Мая и его бригады посвящена обширная критическая статья А. Мостакова (московский архитектор, участвовавший в разработке генерального плана застройки Нижнего Тагила в составе бригады Мая), которая вышла в журнале «Архитектура СССР» в

Рис. 2. Новокузнецк. Строчная застройка соцгородка металлургов (Источник: <http://cornholio.narod.ru/history4/part2chapter8par3.html>).

Рис.3. Новокузнецк. Проспект Энтузиастов
(Источник: <http://dcbs-nvkz.narod.ru/FA/index.htm>).

Рис.4. Кемерово. Жилые дома -колбасы. Архитектор ван Лохем (Источник: http://www.redhill-kemerovo.ru/O_muzee_Pamyatniki_muzeya_Van_Lohem.htm).

Рис.5. Кемерово. Здание школы. Архитектор ван Лохем (Источник: http://www.redhill-kemerovo.ru/O_muzee_Pamyatniki_muzeya_Van_Lohem.htm).

1937 под названием «Безобразное «наследство» архитектора Э. Мая» [5]. В своей статье, говоря о строительстве Сталинска, он пишет, что «улица слепых торцов в Сталинске шириной в 17 м чем-то напоминает кладбищенскую аллею, оформленную надгробными памятниками; недаром рабочие Сталинска окрестили ее улицей гробов» (критика типизации). Далее по тексту: «города Магнитогорск, Сталинск были им запроектированы всего лишь как механические сложения повторяемых частных частей, всегда и везде одних и тех же. Оттого город в интерпретации Мая – это не живой организм, а мертвая схема, накладываемая на чуждую ей природную обстановку. Северное пятно Сталинска – это главное плато с напряженным транспортом, южное – характеризуется резко пересеченным рельефом и слабым движением. Но в планировочной схеме не сделано никаких выводов из этих особенностей города». Так, автор статьи подчеркивает «наплевательское отношение арх. Мая к образу города и природной среде». Говоря о социальной составляющей архитектуры, А.Мостаков пишет: «Э. Май исключает из своей архитектурной концепции человека. Он подменяет человеческую личность некоей суммой биологических и технологических требований». Трактует человека «как безликую, отвлеченную единицу? игнорируя культурный рост советских людей и утверждая во всей неприглядности мелкобуржуазную психологию». «В системе мелко нарезанных и типизированных коробок проглядывает образ изолированного, забитого человека». Здесь же он критикует западную архитектуру, говорит и о низком уровне буржуазной капиталистической культуры Запада: «Типы улицы и города, оставленные в наследство проектами Мая, – это выразительный пример глубокого падения архитектурной мысли и архитектурной культуры на Западе». И наконец, в целом: «сухостью и унынием веет от лишенных жизни кварталов Э. Мая».

Позднее критические замечания были отражены в книге К.И. Спидченко «Города Кузбасса», вышедшей в 1947 г., в которой автор цитирует выступление М.И. Калинина по поводу строительства г. Сталинска. «Первые жилые каменные дома-коробки, построенные в 1930-1931 гг. по планам иностранных «специалистов», не отвечали требованиям нового, социалистического города. М.И. Калинин, выступая перед кузнецкими ударниками-металлургами, отмечая их заслуги в битве за социализм, говорил, что «эта битва идет не только на полях сражения, эта битва происходит и тогда, когда пустили завод... Эта битва происходит и когда мы строим социалистический город, и когда его оформляем». Советуя рабочим больше заботиться об оформлении г. Сталинска, М.И. Калинин подчёркивал: «Оформление должно быть идейным» [11].

Была ли критика проектов обоснована? Отчасти да, однако, существовал ряд объективных причин, которые позволяют делать вывод об определенной предвзятости по отношению к проектам Э.Мая. Прежде всего, рассматривая первый пункт критических замечаний, касающихся проектирования без должного

учета местных условий, можно говорить о том, что необходимые данные не были предоставлены проектировщикам в должном объеме. Вот что говорят разработчики проекта г. Сталинска Л. М. Букалова, А. С. Смолицкий об уровне изыскательских работ: «Проектирование г. Сталинска началось с 1928 г. Но благодаря слабой технико-экономической изученности района, не установившимся наметкам развития промышленности в районе и отсутствию (до последнего времени) достаточных изысканий для составления геологической и гидрогеологической характеристики территории, проект планировки г. Сталинска ежегодно нуждался в коренной переработке» [15].

Несовершенные методы расчета населения, постоянно меняющаяся расчетная численность, отсутствие изыскательских работ в должном объеме, безусловно, приводили к неточностям при создании конкретных проектных предложений новых городов.

Что касается критики в адрес строчной застройки и композиционного построения в целом, здесь проблема заключалась скорее всего в смене государственного курса в области архитектуры (отрицание новой архитектуры и обращение к классическим образцам, монументальности). Р.Волтерс, немецкий архитектор, работавший в Новосибирске в 30-е годы, отмечает следующий факт. В России иностранные специалисты были представлены в большинстве своём двумя группировками: Европа (преимущественно Германия, в меньшем составе специалисты из Нидерландов и в единичном других европейских государств) и США.

Представители этих стран на тот момент входили в крупнейшие государственные структуры, связанные с градостроительством, где занимали руководящие посты, что, в общем-то, до недавнего времени не афишировалось: Гипрогор (Государственный институт по проектированию генеральных планов старых городов), где «дух и руководство – чисто американские» и Стандартгорпроект (эта организация занималась разработкой новых городов на ранее неосвоенных или малоосвоенных территориях), где руководство и дух были уже европейскими. Волтерс так описывает расстановку сил на градостроительной арене в СССР: «Американцы принесли в Россию окостенелую школу градостроительства, и она все больше берет верх, в особенности потому, что для всех архитектурных деталей высшими инстанциями из Москвы был предписан «классический стиль» как единственно возможный: звездообразные планы и греческие фасады! Из-за этого с иголки нового курса особенно страдает другая большая градостроительная организация Союза – «Стандартгорпроект» с его «знаменитой» группой «Май»... Гипрогор, руссо-американцы, и Стандартгорпроект, руссо-немцы, ненавидят друг друга... Здесь столкнулись два мировоззрения. Здесь нет надежды на взаимопонимание. Но уже сегодня можно с сожалением сказать: группа «Май» побеждена... Сегодня франкфуртский архитектор Май – закатившаяся звезда в России. Его группа растаяла до нескольких самых преданных людей, и печально-предупреждающе возвышаются во всех концах России над морем деревянных изб начатые корпуса до смерти замученной «строчной застройки» [12].

В книге Волтерса мы находим косвенные факты, свидетельствующие об основных причинах столь яркой критики проектов Э.Мая. Д. Хмельницкий в своей статье говорит о том, что смена официального государственного курса явила собой «конец нормального градостроительства в СССР, во всяком случае в понимании западных архитекторов того направления, к которому принадлежали и Эрнст Май с сотрудниками, и Волтерс» [13]. В другой статье «Сталинизация советского градостроительства в начале 30-х годов» Д. Хмельницкий дает анализ причин отказа от градостроительных разработок как отечественных, так и иностранных специалистов. Он выделяет две причины, согласно которым города-сады, линейные города, а также строчная застройка не вписывались в рамки новых градостроительных задач, оказались неформатными в существующей тогда исторической действительности: «1. Экономическая причина. Слишком много комфорта для жилья, рассчитанного на всех. Сталин в принципе не собирался строить массовое жилье для рабочих в цивилизованном смысле. 2. Градостроительные недостатки. В проектах западных архитекторов и собственных конструктивистов и рационалистов не было ясно выраженных центральных площадей и главных улиц, пригодных для организации демонстраций» [16].

Помимо немецких и американских специалистов в СССР приезжают работать архитекторы Нидерландов. Большой вклад в развитие градостроительства региона Юго-Западной Сибири внес голландский архитектор Йохан ван Лохем, приглашенный Себальдом Рутгерсом для проектирования быстрорастущих городов Кузбасса. До своего приезда в Россию ван Лохем занимался строительством жилья (частные жилые дома, возведенные большей частью в Гарлеме, а также жилые комплексы «Бетонная деревня» в Амстердаме).

Ван Лохем был представителем функциональной архитектуры, книга «Здания Нового Строительства в Голландии», изданная в Амстердаме в 1932 году, после его работы в СССР, стала своеобразным

«манифестом голландского функционализма» [17]. «Основой формообразования его объектов явились принципы творческой группы «де Стил», создателем которой были художники-новаторы Пит Мондриан, Питер Ауд, Гарри Ритвельд и другие. Ван Лохем некоторое время, в начале творческого пути, примыкал к этой группе, но затем отошел от нее» [18]. Отправляясь в Россию, архитектор был полон энтузиазма, связанного с провозглашенной идеей построения нового социалистического общества, как и большинство отечественных и зарубежных архитекторов тех лет. Голландия, как и ряд прочих европейских стран, наблюдала за преобразованиями в новой стране – СССР. Еще в 1922 г. ван Лохем становится секретарем отделения комитета помощи России в Гарлеме. Работать в СССР архитектор предполагал значительное время, чему свидетельством является тот факт, что вместе с ним в Сибирь приезжает его семья. В Сибири ван Лохем должен был спроектировать ряд индустриальных городов: Щегловск (Кемерово), Прокопьевск, Ленинск, Гурьевск и пр. Перед своим приездом в СССР он погружается в исследование русской архитектуры, дабы учесть традиции и условия страны, в которую он едет.

Градостроительная ситуация Кемерово на момент приезда ван Лохема была следующая. Промышленные сооружения были представлены химическим заводом, коксовальными печами, угольными шахтами, несколькими конторами. Жилой фонд состоял из ряда фабричных жилых домов и подавляющего числа землянок. Как отмечает И.Невзгодин, «у голландского архитектора не было даже времени «для рисования проекта города», уже после нескольких недель необходимо было начинать строительство. Поэтому ван Лохем приступил к разбивке улиц, проспектов и площадей сразу на местности» [19].

Реальные условия строительства были таковы, что при возведении новых объектов обнаружилась острая нехватка строительных материалов, а именно кирпича. Следуя нормам пожарной безопасности, основную массу строительных объектов было решено делать каменными. Тогда в короткие сроки (2 месяца) ван Лохем создает 4 кирпичных завода.

Организация работы этого архитектора вызывает большое уважение по ряду причин. Во-первых, перед началом планировочных работ им был произведен сбор данных, определена расчетная численность населения города (250 тыс. жителей), исходя из этого, в должном объеме заложены объекты инфраструктуры: школы, бани, рабочие клубы и т.д. Во-вторых, архитектор исследовал климатические особенности данного региона, на основе этого им был предложен ряд проектных и строительных нововведений. Например, учитывая глубину промерзания грунта, ван Лохем предлагает закладывать фундаменты ниже этой отметки – 2,5 м. Также предложения по оптимальным показателям инсоляции жилья и общественных сооружений, планировка жилых домов решалась путем расположения спальных на верхних этажах и сообщающихся с ними гостиных на первых, это обеспечивало хорошие показатели по теплообмену. Что касается применения новых экономически выгодных строительных конструкций, интересны следующие его решения в устройстве засыпных стен, «которые определили конструктивную основу жилых домов вплоть до 60-х годов во многих городах Сибири. Это облегченные стены с засыпными утеплителями или вкладышами, это совмещенные невентилируемые кровли, это утепленные бревенчатые стены с засыпками из смеси опилок, стружек, пролитых гипсовым раствором, и т.д.» [18]. В третьих, ван Лохем учитывает местные строительные традиции и применяет их в своих проектах по соображениям целесообразности. Это выражается в «применении печей с системой циркуляционных каналов, позволявших использовать тепло с максимальной эффективностью, двойных рам, утепленных входных дверей, дополнительного вестибюля-тамбура с обогреваемым шкафом, устройства «теплого» подвала» [19].

Планировочная структура города была основана на концепции города-сада. «Жилые группы с мини-участками для каждой квартиры. Вблизи участка в пределах пешеходной доступности – места приложения труда (шахта, мастерские, лесозавод, стройка)» [18]. За два строительных сезона 1926-1927 гг. было построено около 1000 сооружений. «Помимо этого строились общежития, рассчитанные на постоянное проживание трехсот холостых рабочих. Всего под руководством ван Лохема в течение двух лет были построены сотни жилых домов, электростанции, фабрики, магазины, общественные центры, школа, пожарная часть и баня» [17].

По проекту предполагалось построить 5000 жилых домов на территории в 1000 га. Строительство жилых домов было представлено блокированными домами, прослывшими в народе «колбасами». Применение такого типа застройки было обусловлено экономическими соображениями: сокращение расходов на устройство электроснабжения, водопровод, канализацию. На внешний облик зданий большое значение оказали традиции жилищного строительства в Голландии (рис. 4,5).

Многие постройки ван Лохема на сегодняшний день утрачены из-за физического износа или пожаров. Однако можно отметить тот факт, что работы иностранных специалистов дали толчок в

развитии градостроительства и архитектуры на десятилетия вперед. Это и стройчная застройка Э. Мая, воплотившаяся в архитектуре 60-х годов, в конце 50-х в строительстве Кемерова учитывались и брались за образец “проекты, обоснованные в жарких дискуссиях ван Лохемом”... “Район города Кемерово – МЖК (западнее проспекта Шахтеров) имеет застройку 1957-1958 годов, в которой как типологические и планировочные, так и формообразующие и конструктивные принципы сходны с почерком Лохема” [18].

Изменившаяся политика государства в области градостроительства и архитектуры оказала влияние и на работу иностранных специалистов. Начиная с 1931 года, Наркомтяжпром активно расторгает договоры с зарубежными партнерами, мотивируя это соображениями экономии. Связано это было с тем, что иностранцы в России сделали свое дело, Советский Союз получил в свое распоряжение зарубежный опыт и технологию производства, прежде всего промышленных (военных) объектов, а немного позднее административно-общественных зданий и жилья. Налаживается организация поточного проектного процесса. Специалисты начинают постепенно вытесняться: досрочно расторгаются договоры, уменьшаются выплаты (в валюте и рублях, в некоторых случаях валютная составляющая была и вовсе исключена). «Средняя инвалютная оплата труда иностранцев к январю 1933 года по сравнению с январем 1932 года упала с 219 до 41 рубля, а концу 1933 года – и до 23 рублей» [14]. Ухудшались бытовые условия, архитекторам не давали работы, понижали в должности и т.д. «Уже в сентябре 1931 года Эрнст Май был назначен главным инженером вновь созданного треста по проектированию городов Стандартгорпроект, а в 1932 году был понижен до заведующего сектором планировки. Когда же в октябре 1933 года создали укрупненный градостроительный трест Горстройпроект, Май оказался в нем лишь руководителем одной из смешанных проектных бригад» [14].

Помимо материальной составляющей, стимулировавшей отъезд иностранных архитекторов, не менее важной причиной стал конфликт в идеологических установках. Табу на “новую” авангардную архитектуру, смена государственного стиля в архитектуре вызывали острое разочарование у зарубежных специалистов. «Оформление центров городов дворцово-храмовыми ансамблями и монументальными декорированными классической орнаментикой жилыми домами никак не вписывалось в их представление о насущных проблемах современного градостроительства» [16].

Библиография

1. Коккинаки И. К вопросу о взаимосвязях советских и зарубежных архитекторов в 1920-1930-е годы / И. Коккинаки // Вопросы советского изобразительного искусства и архитектуры. – М.: Советский художник, 1976. – С. 230-382.
2. Меерович М.Г., Хмельницкий Д.С. Американские и немецкие архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию [Электронный ресурс] / М.Г. Меерович, Д.С. Хмельницкий // Вестник Евразии. – 2006. – № 1. – С. 92-124. – Режим доступа: http://www.eavest.ru/magasin/artikelen/2006-1_mee.htm
3. Конышева Е.В. Европейские архитекторы на стройках первых пятилеток (в аспекте повседневности) [Электронный ресурс] / Е.В. Конышева // Архитектон: известия вузов. – 2010. – №32. – Режим доступа: http://archvuz.ru/numbers/2010_4/010
4. Гропиус В. Границы архитектуры / В.Гропиус. – М.: Искусство, 1971. – 286 с.
5. Мостаков А. Безобразное «наследство» архитектора Э. Мая // Архитектура СССР. – 1937. – № 9. – С. 63.
6. Блинов Е.Н. Архитектурно-планировочное развитие индустриальных городов Сибири в годы первых пятилеток: автореф. дис. ... канд. архитектуры / Е.Н. Блинов. – Новосибирск: НАРХИ, 1993.
7. Наше строительство в оценке германского архитектора // Коммунальное дело. – 1930 – №6. – С.100
8. Коккинаки И.В. Проектная деятельность Эрнста Мая в 1930-е годы в СССР / И.В. Коккинаки // Проблемы истории советской архитектуры: сб. науч. тр. – М.: Гос.комитет по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР, 1976. – С. 19-24.
9. Оглы Б.И. Строительство городов Сибири / Б.И. Оглы. – Л.: Стройиздат, 1980. – 272 с.
10. История советской архитектуры (1917-1954) / под ред. Н.П. Былинкина и А.В. Рябушина) [Электронный ресурс] / Novosibdom.ru: справочник по архитектуре и строительству. – Режим доступа: <http://arx.novosibdom.ru/node/2359>
11. Спидченко К.И. Города Кузбасса (эконом.-географ. очерк) / К.И.Спидченко. – М.: Географгиз, 1947. – 147 с.

-
12. Волтерс. Р. Специалист в Сибири / Р. Волтерс; пер с нем. – Новосибирск: Свиныин и сыновья, 2007. – 260 с.
13. Хмельницкий Д. Нацистская пропаганда против СССР. Материалы и комментарии.1941-1945 [Электронный ресурс]/ Д. Хмельницкий //Либрусек : сайт – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/272350/read>
14. Расторгуев А. Наследие эксперимента. Из истории архитектурного авангарда на Урале [Электронный ресурс] / А. Расторгуев, Л.Токменинова, А. Фольперт //Урал. – 2011. – №6. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/ural/2011/6/ra22-pr.html>
15. Букалова Л.М. План Сталинска / Л.М. Букалова, А.С. Смолицкий // Архитектура СССР. – 1936. – №1. – С.40-44.
16. Хмельницкий Д. Сталинизация советского градостроительства в начале 30-х годов [Электронный ресурс] / Д. Хмельницкий //Livejournal.com: сайт – Режим доступа: <http://dmitrij-sergeev.livejournal.com/136230.html>
17. Невзгодин И.В. Иохан ван Лохем: два года голландского новаторства в Сибири / И.В. Невзгодин // PRO: Архитектура, строительство, дизайн, интерьер. – 1999. – № 3. – С. 31-35.
18. Зюзьков Ю. Зодчий / Ю. Зюзьков //Красная горка: Альманах. Вып. 1. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – С. 82-84.
19. Невзгодин И.В. Деятельность голландского архитектора. Ван Лохема в Кузбассе / И.В. Невзгодин // Сибирская архитектурно-художественная школа: мат. всерос. науч.-практ. конф. – Новосибирск: НГАХА, 1999. – С. 63-67

Статья поступила в редакцию 03.11.2011

HISTORY OF ARCHITECTURE

THE INFLUENCE OF REPRESENTATIVES OF FOREIGN AVANTE-GUARD ON THE IMAGE OF SIBERIAN CITIES

Galikberova Anna V.

post-graduate student,

Research supervisor: Professor Ye.N.Blinov, C.Sc.,
Novosibirsk State Academy of Architecture and Arts,
Novosibirsk, Russia

Abstract

The period of the second half of the 1920s – early 1930s is characterised by the broadening of international relations in the field of architecture and town-planning. At that time, a lot of experts were invited to come and work in the USSR. On the one hand, the USSR needed professionals in connection with increasing scales of construction; on the other hand, foreign architects had their reasons to work in Russia, the two main factors being financial incentives and creativity opportunities. The financial context was defined by the global economic crisis of 1929-1933 and shrinking building construction volumes whereas in the USSR, on the contrary, building construction was on the rise in the context of the first five-year plan (industrial construction and construction of whole new cities, etc.). Also, the creative work of Soviet architects stirred interest among western colleagues.

At that time, Western Siberia presented a region of active industrial development: major industrial facilities were being built, accompanied by construction of residential areas. The most significant influence on Siberian cities was produced by the groups of European professionals led by the German architect Ernst May and the Dutch architect Johannes van Loghem, who belonged to the avant-garde functionalist movement. Their activities in Siberia provoked varied response and later were subjected to rather sharp criticism (particularly E.May's projects). However, it should be admitted that their projects were rationally organised, enabled fast mass construction, and their structural proposals took into account the local climatic and engineering conditions. In some cases, their buildings contain references to their national architectures (for example, apartment houses and a school building in Kemerovo by van Loghem).

Key words:

cultural relations, town-planning, Socialist town, line building, foreign architects in Siberia, architectural avant-garde